

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-3-10-27

Кто на кого охотится? Лексический и сюжетный анализ авентюры XVI «Песни о нибелунгах»

Сергей А. Жилюк

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, s.a.jiluck@gmail.com*

Аннотация. Задачей настоящей статьи является изучение ситуации охоты, представленной в авентюре XVI «Песни о нибелунгах», посредством лексико-семантического анализа. Охота, организованная бургундским королевским домом, является способом заманить героя первой логической части поэмы в ловушку, что находит отражение в скудном представлении охотничьего быта. Смерть Зигфрида в лесу известна только по южногерманским источникам и «Саге о Тидреке»; северные источники говорят о его гибели в спальне. Другой характерной особенностью южногерманского варианта является почти полное отсутствие мотива драконоборчества Зигфрида, о котором лишь вскользь упоминается и который сохранился в «Эддах». Проведенный анализ вкюпе с учетом композиционных особенностей «Песни о нибелунгах» заставляет предполагать перемещение эпизода охоты со сцены драконоборчества на сцену убийства Зигфрида.

Ключевые слова: «Песнь о нибелунгах», охота в средневековой литературе, драконоборчество Зигфрида, германский эпос, средневерхненемецкий язык

Для цитирования: Жилюк С.А. Кто на кого охотится? Лексический и сюжетный анализ авентюры XVI «Песни о нибелунгах» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. Т. 4. № 3. С. 10–27. DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-3-10-27

Who hunts whom?
Lexical and plot analysis of the Aventure 16
of the *Nibelungenlied*

Sergey A. Zhilyuk

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
s.a.jiluck@gmail.com*

Abstract. The present article discusses the situation of *a hunt* in the aventure XVI of the *Nibelungenlied* and provides a lexical and semantic analysis of certain lexis related to *the hunt*. The aventure (chapter) 16 marks the border between two logical parts of the poem, the first of which ends with the murder of Sigfried (Sigird of the Norse *Völsunga Saga*). Burgundian royal court initiates the hunt in order to get an opportunity to murder Siegfried after the conflict between Kriemhild (Siegfried's wife and Gunther's sister) and Brunhild (Gunter's wife). With the hunt being merely a pretence to bring Siegfried out of the city of Worms and leave him without his armour, the episode of *the hunt* does not provide many details on the of chasing the game. The armour and weapons draw more attention from the author. The murder in the forest is a mark of the German version of the tale, while the Norse one has him killed in a bedroom. However, the author of the forest episode followed an older text which had described Siegfried killing the dragon. It is possible to presume that the author have used this disappeared episode to create the hunting episode and Siegfried's murder as it is depicted in the *Nibelungenlied*.

Keywords: The Song of the Nibelungs/Nibelungenlied, hunt in medieval literature, dragon-struggle of Siegfried, German epic, Middle High German

For citation: Zhilyuk, S.A. (2021), "Who hunts whom? Lexical and plot analysis of the Aventure 16 of the *Nibelungenlied*", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 4, no. 3, pp. 10–27, DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-3-10-27

Введение

Героический эпос германских народов привлекает внимание исследователей более 200 лет, но и сегодня остается много нерешенных вопросов: можно указать на работы, посвященные как частным проблемам, например особенностям правовых отношений в эпосе, так и широким темам, в частности генезису образов и самого сказания о нибелунгах.

Настоящая статья по своему характеру находится между работами этих двух типов: обращаясь к частному эпизоду охоты в авен-

тюре XVI «Песни о нибелунгах», мы изучаем историю развития нибелунгова сказания в целом в связи с другими произведениями нибелунгова цикла. Целью работы является выявление причин, по которым автор «Песни о нибелунгах» избирает в качестве обстоятельств смерти Зигфрида эпизод охоты, редко встречающийся в аналогичных скандинавских текстах. В ходе работы были выполнены следующие задачи:

- уточнение жанра «Песни о нибелунгах» и выявление некоторых ее особенностей, позволяющих говорить о ее связи с фольклором;
- изучение сказочных мотивов в «Песни о нибелунгах» и охоты в лесу как важного сказочного элемента;
- лексико-семантический и этимологический анализ текста авентюры XVI;
- исследование противоречий, содержащихся в тексте авентюры XVI.

Актуальность статьи заключается в обращении к одному из основополагающих текстов германской культуры и в применении междисциплинарного подхода для достижения заявленной цели. Новизна обусловлена тем, что в фокусе исследования находится единственный в «Песни о нибелунгах» эпизод охоты, не вполне изученный с точки зрения языка и генезиса нибелунгова сказания, а также содержащий многочисленные противоречия.

Материалом для исследования послужили три основные редакции «Песни», размещенные в свободном доступе на Интернет-ресурсе *Bibliotheka Augustana*¹, перевод цитат выполнен нами.

В исследовании использовались методы лингвистического и литературоведческого анализа. Основным из них является метод контрастивного анализа, дополненный методом сплошной выборки, лексико-семантическим и историко-этимологическим анализом.

Жанровая принадлежность «Песни о нибелунгах»

В XIX в. исследователи средневековой литературы предлагали разграничить понятия «героического эпоса» (*Heldenepos*) и «придворного эпоса» (*höfisches Epos*), причем различные авторы относили «Песнь о нибелунгах» (далее – «Песнь») к различным жанрам. Некоторые мотивы сближают произведение с рыцарскими романами XII–XIII вв. Отнесению «Песни» к одному опреде-

¹ Das Nibelungenlied. Bibliotheka Augustana. URL: <https://www.hs-augsburg.de/~harsch/augustana.html> (дата обращения 14 дек. 2020).

ленному жанру препятствует ее амбивалентность (анонимность автора, с одной стороны, и явное авторское начало – с другой, устный характер некоторых отрывков и письменный характер других, историческая достоверность в сочетании с очевидно вымышленными эпизодами).

Современные исследователи [Schulze 2008] склонны определять жанр «Песни» как героический эпос, признавая, однако, что она обладает не всеми его чертами. С романами артуровского цикла ее связывают описание придворного быта (хотя и достаточно упрощенные), с другими средневековыми романами и произведениями миннезанга – ярко выраженная любовная (*Minne*) тематика.

Нельзя не обратить внимание на некоторые сказочные мотивы и образы, которые сохраняет «Песнь». Одним из таких образов является Брюнхильд, которая предлагает героям, желающим взять ее в жены, испытания – состязания в силе:

ez was ein kyneginne gesezen vber se
ir geliche enheine man wesse ninder me
div was vnmazen scoene vil michel was ir craft
si soez mit snelln degenen vmb minne den scaft (326²).

(Жила за морем королева, и не знал никто равной ей. Она была неописуемо прекрасна, а сила ее была велика. Если какой-нибудь удалец хотел завоевать ее любовь, то должен был он метнуть копьё дальше нее)³.

«Сказочный тон, от которого не свободны стихи, повествующие о ранних подвигах Зигфрида, применительно к Брюнхильде чрезвычайно усиливается. Перед нами широко распространенный вариант сказки...»⁴. Образ Брюнхильд отражает более ранние стадии развития сюжета [Ehrismann 1991]. Важным представляется замечание, что архаичны и все ранние подвиги главного героя сказания, не вошедшие в основные рукописи «Песни», в том числе борьба с драконом и добывание клада. Таким образом, при жанровом определении «Песни» следует

² Ссылки на номер строфы даются по тексту: Das Nibelungenlied. Bibliotheka Augustana. URL: <https://www.hs-augsburg.de/~harsch/augustana.html> (дата обращения 14 дек. 2020). Если в рукописях «Песни» существуют значащие отличия, то ссылка дается на номер строфы с добавлением рукописи.

³ Здесь и далее перевод наш. – С. Ж.

⁴ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. С. 718.

учитывать не только формальные признаки, но и генезис сказания, включающий в себя, среди прочего, ассимиляцию сказочных мотивов.

Сказочные мотивы в «Песни о нибелунгах»

Объем статьи не позволяет рассмотреть все мотивы нибелунгова сказания, связанные со сказкой, а через нее – с мифом. Мы предлагаем сконцентрироваться на двух из них, присутствующих в изучаемой нами авентюре XVI: образе леса и мотиве охоты, которые встречаются только в южной (германской) версии сказания, нашедшей свое отражение в «Песни».

В северной традиции в лесу происходит борьба с драконом, но в южной традиции этот эпизод отсутствует, хотя «Песнь» использует образ леса как места другого убийства – убийства Зигфрида⁵. «Песнь» почти полностью игнорирует ранние деяния Зигфрида и начинается с момента прибытия героя к бургундскому двору в Вормс. О борьбе с драконом читатель узнает только из рассказа Хагена:

noch weiz ich an im mere daz mir ist bechant
einen lintrachen den slvoch des heldes hant
er badet sich in dem blvote sin hvt wart hvrnin
des snidet in chein wafen daz ist diche worden scin (100).

(И еще я знаю о нем то, что достигло моих ушей. Дракона победил сей герой. Он искупался в его крови, и его кожа покрылась роговым панцирем. С тех пор ни одно оружие не может нанести ему вред, и тому есть многочисленные свидетельства.)

Автор описывает некоторые эпизоды жизни Зигфрида при вормском дворе: прибытие ко двору (авентюры II–III), война с саксами (авентюра IV), добывание невесты (авентюры VI–VII), женитьба на сестре короля Гунтера Кримхильде (вторая добыча невесты) и отъезд на родину (авентюры X–XI). Интересно, что такая последовательность событий, если учитывать и драконоборчество, остающееся за рамками «Песни», частично соответствует схеме сюжета сказки [Пропп 2020]: посвящение (убийство дра-

⁵ Среди песен Эдды только во «Второй песни о Гудрун» убийство Зигфрида происходит в лесу. По мнению В.Г. Адмони, именно эта песнь может быть отнесена к наиболее архаичным в скандинавской литературе [Адмони 2004]. Возможно, это свидетельствует о том, что в более ранних текстах события гибели героя происходили в лесу.

кона) – подвиги (война с саксами) – женитьба и отъезд (двойное добывание невесты и отъезд в Нидерланды).

Эпос развивается из мифа так же, как и сказка, это приводит к определенному сходству между текстами этих жанров [Мелетинский 2000]. Поздний героический эпос, каким является «Песнь», сохранил некоторые сказочные элементы. Это свойственно средневековой литературе: например, комплекс мифов о Тристане и Изольде, из которых возник современный автору «Песни» рыцарский роман, может быть рассмотрен как восходящий к обряду посвящения в половую зрелость [Пропп 2020].

Аналогичную роль играет борьба с драконом в лесу. «Связь обряда посвящения с лесом настолько прочна и постоянна, что она верна и в обратном порядке, – пишет В.Я. Пропп. – Материалы показывают, что лес окружает иное царство, что дорога в иной мир ведет через лес» [Пропп 2020, с. 221]. Следовательно, драконоборчество Зигфрида связано с обрядом посвящения с соответствующими ритуалами, к моменту создания «Песни», вероятно, утратившими смысл, но перенесенными автором в эпизод охоты.

Охота в «Песни о нибелунгах»

В современной автору «Песни» европейской литературе мотив охоты крайне популярен. В романе «Тристан» Готфрида Страсбургского (начало XIII в.) мотив охоты проходит через все повествование и получает метафорическое звучание [Brown, Jaeger 1990]. В куртуазном эпосе «Энеида» Генриха фон Фельдеке (вторая половина XII в.) именно во время охоты расстаются Эней и Дидона, чтобы затем встретиться и не узнать друг друга. Охота и лес – эти два образа становятся ключевыми в романе Кретьена де Труа «Эрек и Энида» (вторая половина XII в.) [Михайлов 1976]. И позднее охота находит свое отражение в литературных произведениях, посвященных куртуазной культуре, например в поэме неизвестного английского автора «Сэр Гавейн и зеленый рыцарь» (XIV в.).

«Песнь о нибелунгах» резко отличается от других произведений той эпохи отсутствием большого количества охотничьих эпизодов. Несмотря на значительное количество животных, упомянутых в тексте [Bender 2017], охота изображается только один раз – в аванюре XVI (*16 Aventv wie Sivrit ertmort wart*). Упоминания охоты (*iagd*) тоже довольно редки – в тексте всего произведения она упоминается 9 раз, в основном именно в аванюре XVI, а также в XV (1 раз) и в XVII (1 раз).

В каком лесу разворачиваются события королевской охоты? «Песнь» не существовала в виде единого текста (по крайней мере, мы не можем достоверно установить, какой текст мог считаться «каноническим» [Schulze 2008]), поэтому мы вынуждены констатировать отсутствие единодушия среди отдельных переписчиков:

nv wir der herverte ledich worden sin
so wil ich iagen riten bern vnd swin
hin cem **Waschemwalde** als ich vil dike han getan
daz het geraten hagene der vil vngetriwe man (908B)

(Поскольку нам не нужно вести никакой войны, желаю я охотиться на медведей и кабанов в лесу **Waschemwalde**, где я уже охотился. Так посоветовал Хаген, муж коварный.)

nv wir der herverte ledic worden sin
so wil ich iagen riten von Wormez vber Rin
vn- will kurcewile zum <**Otenwalde**> han
iagen mit den hunden als ich vil dicke han getan (919C)

(Поскольку нам не нужно вести никакой войны, желаю я скорее отправиться из Вормса на Рейне в лес **Otenwalde** на псовую охоту, где я уже много раз охотился.)

Авторы рукописей могли придерживаться разных версий сказания, бытовавших на территории расселения германцев. Об этом говорит, среди прочего, то, что в рукописи С не упоминается наущение Хагена. Разнятся и места охоты: если в рукописи В речь идет, вероятно, о вымышленном или не сохранившемся до наших дней топониме, то топоним *Otenwald (Odenwald)* и сейчас присутствует на карте Германии. Интерес вызывает и затемненная этимология топонима, возможно, он связан с именем верховного божества германского пантеона Вотана/Одина⁶. Это подтверждает наше предположение, что лес, в котором происходит убийство Зигфрида, связан с другим миром, как в волшебной сказке [Пропп 2020].

В тексте «Песни» содержится много существительных, обозначающих зверей. Наименования животных, за исключением лошади (*pfert, rosse*), распределены по тексту неравномерно, большинство существительных сосредоточено именно в авантюре XVI. Все наименования могут быть разделены на несколько семантических подгрупп.

⁶ *Wilpert G., von.* Sachwörterbuch der Literatur. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2001. 925 S.

1. Домашние животные

К домашним животным, упомянутым в «Песни», относятся конь и собака. В авентюре XVI встречается 5 упоминаний коня (*rosse* 927, 937, 946, 949, 958). Собаки упоминаются чаще и демонстрируют большее лексическое разнообразие – от собирательного понятия (*gehvende* 931, 958, 960; *gehunde* 966С, 968С) и общего наименования (*honden* 932, 941) до конкретного наименования со значением «охотничья собака, ищейка» (*sprrhunt* 941С, *spurehunt* 947С).

2. Дикие животные

В первой строфе авентюры XVI автор намечает цели охотников: *si wolden iagn swin // bern un wisende* (кабан, медведь и тур). Кабан играет важную роль и в предостережении Кримхильды, которая, догадавшись о замыслах Хагена и боясь раскрыть свое предательство мужу, предостерегает Зигфрида посредством иносказания:

mir trovmt e hinat wi zwei wildiv swin
iagten veber heide da wurden blvomen rot
daz ich so sere weine des get mir waerliche not (921).

(Мне сон привиделся, что двух кабанов гнали по лугу, и вдруг окрасились красным все цветы. То, что я так сильно плакала, сулит мне большие несчастья.)

Помимо лексемы *swin* встречается и другая лексема, обозначающая кабана, – *eber, ebyr* (рукопись С), однако она менее распространена. В речи Кримхильды можно усмотреть христианскую трактовку кабана как символа злых сил, желающих погубить человека [Bender 2017].

Помимо кабана, Зигфрид убивает льва (*lew*, 936: *der lew lief nach dem schvze wan drier sprvenge lanch* – После выстрела лев сделал только три прыжка), тура и лося (937: *darnach slvch er shiere einen wisent vnd einen elch* – Затем убил он тура и лося), а также «ужасного оленя» (937: *vnd einen grimmen shaelch*). В сцене охоты лев является единственным животным, которое и в древности нельзя было встретить севернее Альп. Это заставляет предполагать либо символичность этого образа, либо заимствование эпизода из античной литературы. Э. Бендер предполагает, что лев необходим автору как единственный достойный героя соперник в дикой природе [Bender 2017]. Впрочем, правильность этого суж-

дения несколько сомнительна, если принять во внимание, что Зигфрид справился с драконом (хоть и за рамками повествования) и что основную функцию изображения хтонических сил принимает на себя медведь (см. ниже). Интересно и то, что лексема *shaelch* обозначает не сохранившегося до наших дней крупного оленя, считавшегося королевской дичью⁷.

Наконец, наиболее часто (более 10 раз) в описании охоты встречается медведь (*der ber*), поединку с которым отводится больше всего строф. В германской мифологии медведь является символом неуправляемой, дикой стихии, которая противостоит человеку [Vender 2017]. Победа над ним равнозначна победе над природой, что мы и видим в сцене охоты. Зигфрид не просто убивает медведя – он подчиняет его, а вместе с ним и хтонические силы себе:

do spranch von sinem rosse der stolze ritter gvt
er begonde nachlovffen daz tier was vnbehvt
ez en chonde im niht entrinnen do viench er iz cehant
an aller slahte wunden der helt ez schiere gebant (949).

(Тут спрыгнул с коня гордый, храбрый рыцарь, он побежал за зверем, который был не защищен и не смог спастись. Герой поймал его, оставшись невредим, и тут же связал.)

В то же время Зигфрид, привезя медведя в охотничий стан, снимает с него путы – освобождает дикое существо посреди человеческого общества, тем самым нарушая и человеческие законы, и законы природы:

als er gestvnt von rosse do lost er im div bant
von froze vnd ovch von mvnde do erlvote da cehant
vil groze daz gehvende swaz des den bern sach
daz tier ce walde wolde di livte heten vngemach (958).

(Только спрыгнул он с коня, как тут же развязал путы с лап и рта зверя. Залаяли громко собаки, увидевшие медведя. Тот побежал обратно в лес, пока люди стояли как онемевшие.)

Благодаря описанию погони за медведем и разыгранной героим шутки, картина охоты в авентюре XVI приобретает известную динамику, хотя в остальных строфах представляет скорее перечисление убитой дичи, чем описание самого процесса. Следовательно, описание охоты не являлось целью автора «Песни».

⁷ Hoops J. Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Straßburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1918–1919. S. 91.

В тексте аэвентюры XVI не упомянуты птицы; они и вообще в тексте «Песни» встречаются редко. Например, в аэвентюре I образ птиц использован для вещего сна Кримхильды:

in disen hohen eren trovmtе chriemhilde
wie si zvge einen **valchen** starch scoen vnt wilde
den ir zweine **aren** erchrvmmen daz si daz mvoste sehn
ir en chvnde in dirre werlde leider nimmer geschehn (13).

(Посреди этого великоления спала Кримхильда и видела сон, как она натаскивает сильного, красивого, дикого сокола, которого у нее отнимают и рвут на части два орла. Если бы она разгадала этот сон! От величайшего горя уберегла бы она свет!)

Мать Кримхильды трактует этот сон как предзнаменование о появлении Зигфрида и его убийстве двумя злодеями. Зигфрид в этом сне явлен в виде «сильного, красивого и дикого» сокола (*valchen starch scoen vnt wilde*), в то время как его недруги – в виде орлов (*aren*), королевских птиц. Описание сна Кримхильды аналогично тому, как Кримхильда предостерегает мужа от поездки на охоту (парность недругов, мотив несчастья). Такая повторяемость, которая встречается и в других эпизодах, может служить свидетельством изначально устного характера текста, в терминах А. Лорда – его формульности [Лорд 2018].

Помимо наименований дичи к лексико-семантическому полю охоты относятся и наименования тех, кто охотится за ней. Наиболее распространенным существительным с общим значением «охотник» является *iagetgeselle* (в аэвентюре XVI встречается 4 раза). Почти так же часто встречается лексема, образованная с помощью суффикса деятеля *-er iæger*, от которого образовано и словосочетание *iægermeister* (941С) и *geiægedes meister* (946С). Существует также вариант написания данного сочетания в одно слово *iegermeister* (954). С помощью лексем, образованных от основы *iag-*, обозначаются безымянные персонажи произведения, некие охотники, составляющую свиту поименованных героев. Только в одном месте лексема *iegermeister* обозначает Зигфрида (строфа 954).

В других случаях для наименования главных участников охоты – Зигфрида, Гунтера и Хагена – автор в основном использует те же лексемы, что и в других аэвентюрах: *recken*, *degen*. При этом в некоторых случаях используется именное сочетание “*X der degene/recken*”: *hagene der degene* (974), *sifrit den recken* (970). По отношению к Зигфриду автор использует и еще одно существительное – *helt* (938, 949), но было бы неверно думать, что данная лексема применима только по отношению к главному герою.

В частности, Зигфрид обращается с ее помощью к другим участникам охоты: *wer sol vns in den walt wissen nach dem wilde ir helde chvne vnd balt* – Кто поведет нас в чащу за дичью, храбрые и крепкие герои (929).

Следующая лексико-семантическая группа, которую можно отнести к охоте, – вооружение. Попытка провести анализ этой группы вызывает только недоумение: в рассматриваемой авантюре почти полностью отсутствует наименование оружия. Только в строфе 961 автор вскользь упоминает о нем:

mit bogen vnd mit spiezen niht langer man daz lie
do lieffen dar di snellen da der ber gie (961).

(С луками и копьями ждали они недолго, и вскоре храбрые гнали медведя.)

На этой странной охоте все персонажи, кроме Зигфрида, не склонны к активности: можно сказать, что все описание охоты сводится к описанию охоты одного Зигфрида, его поединку с силами природы. Поэтому неудивителен тот факт, что вооружению Зигфрида автор посвящает почти 6 строф (951–956). Не имея возможности цитировать весь текст, приведем лишь некоторые наименования: *sin ger was vil michel starch vnde breit* (его копье было огромно, крепко и широко), *ein zier waffen* (дорогое оружие), *sinem chochaere... von einem pantel was daruber gezogen* (сверху был его колчан из шкуры пантеры), *einen bogen* (лук), *palmvngen ein zier waffen breit* (меч Бальмунг, дорогой и широкий) (951–955). Вообще же в аванюре XVI оружие Зигфрида упоминается значительно чаще, чем в других аванюрах первой части «Песни»: если в аванюрах I–XV лексемы, обозначающие меч (*swert* и *balmvnc/palmvnc*), зафиксированы 27 раз, то в аванюре XVI – 8 раз. Аналогичное соотношение демонстрируют и другие лексемы, обозначающие оружие.

Таким образом, аванюра сконцентрирована вокруг двух событий – сначала единоборства главного героя с силами природы, а затем убийства вооруженного героя другими персонажами, об оружии которых мы не знаем ничего. Некоторые исследователи, например А. Хойслер, говорят об особом значении смерти на охоте: ничто, даже нечеловеческая сила, не способно противостоять коварству и предательству [Хойслер 1960]. «Эдды» и другие скандинавские произведения нибелунгова цикла, вероятно, с этой же целью помещают убийство Сигурда в спальню: король и (или) его вассал убивают героя, когда он спит.

Архаичные элементы в авантюре XVI

Отчасти гибель Зигфрида должна прославлять его как героя, ничем себя не запятнавшего и представляющего идеал дворянина, отвечающий социальным требованиям современного автору мира. Герой становится жертвой коварства и интриг со стороны своего господина (если рассматривать Зигфрида как вассала Гунтера) или даже стоящего ниже его по статусу Хагена и короля-побратима (если признавать Зигфрида равным Гунтеру королем). Таким образом, закрепляется образ Зигфрида как абсолютного героя.

Кроме того, его гибель приобретает оттенок мученичества: герой не просто погибает, он погибает от руки тех, кому всецело доверился и повернулся спиной. Для этого автор «Песни» вводит неизвестный другим текстам нибелунгова цикла эпизод с бегом к ручью, причем Зигфрид бежит при доспехах и при оружии, а Гунтер и Хаген – в одних рубашках:

...noh wil ich iv sagen
 allez min gewaete wil ich mit mir tragen
 den ger zv dem schilde vnd al min pirsgevant
 den chocher zv dem werte vil schier er vmb gebant (975).

(...Еще я вам скажу, все свое оружие возьму я с собой, копьё со щитом и латы, колчан, а сверху того повяжу на себя свой меч.)

Безоружным Зигфрид остается по достаточно условной причине, в реальности которой приходится усомниться: когда Зигфрид склоняется над ручьем, Хаген тайком (Зигфрид настолько хотел пить, что даже не заметил, как унесли все (!) его оружие?) относит вооружение в сторону (куда именно?):

do engalt er sine zvehete den bogen vnt daz swert
 daz trvch allez hagene von im... (980).

(Он поплатился за свое светское воспитание: и лук, и меч – все отнес Хаген в сторону...)

Такой способ убийства выглядит не только странным, но и довольно трудно исполнимым, тем более что Хаген не забирает у Зигфрида его щит (которым герой мог бы защититься в случае нападения), за что он чуть не поплатился жизнью:

do het et er niht mere want des shildes rant...
 ...so krefteclich er slvoc,
 daz vz dem schilde draete genvch
 viel des edelen gesteines der schilt vil gar cerblast (984–985).

(Ничего у него не осталось, кроме щита... Так сильно он ударил, что из щита посыпались украшавшие его драгоценные камни, когда он разлетелся на куски.)

В некоторых скандинавских текстах, например в «Старшей Эдде», герой не только ранит, но и убивает своего недруга, а затем умирает сам. Однако это происходит при убийстве героя в спальне; в некоторых источниках, например в «Саге о Тидреке», Зигфрид находит свою смерть на охоте (что может быть отражением южной версии) или просто в лесу. На это как будто намекает и «Вторая Песнь о Гудрун»:

Лежит изрубленный
там за рекой
убивший Готторма, –
отдан волкам он (7).

На основании столь короткого отрывка нельзя делать вывода об обстоятельствах гибели героя; нет в ней как такового и леса (хотя именно в лес отправляется Гудрун оплакивать мужа). Но описанная ситуация в принципе близка тому, что мы видим в «Песни»: как и в германском эпосе, Хогни приглашает Гудрун к трупу ее мужа, с той лишь разницей, что в «Эдде» он не привозит его с собой. Откуда же в «Песни» возникает столь детально разработанный эпизод убийства Зигфрида в лесу на охоте?

Попробуем представить события авантюры XVI схематически. Вооруженный (и хорошо защищенный) герой отправляется в лес на охоту, убивает многих зверей, но, поскольку его мучит жажда, он отправляется к ручью, чтобы выпить воды, и там находит свою смерть. Это схематическое описание соответствует схематическому описанию убийства дракона Фафнира в «Старшей Эдде» («Речи Фафнира»): дракон ползет к водоему, чтобы напиться, и Сигурд хитростью наносит ему смертельный удар в единственное незащищенное место (брюхо), после чего следует обмен репликами.

Предположение, что эпизод убийства Зигфрида на охоте сконструирован по подобию эпизода убийства Фафнира, позволяет объяснить те логические и языковые неувязки, на которые мы уже указали: исключительная вооруженность Зигфрида (как если бы он шел на очередной подвиг, причем шел один); большое количество лексем, обозначающих вооружение, бег к ручью и питье воды; наконец, причина, по которой Зигфрид должен быть оставлен без оружия.

Убийство Фафнира изображено в «Эддах» в общих чертах: «Сигурд вырыл большую яму возле следа и засел в ней. И когда

Фафнир пополз от сокровища, он изрыгал яд, и яд падал на голову Сигурда. И когда Фафнир проползал над ямой, Сигурд вонзил ему в сердце меч. Фафнир затрясся и стал бить головой и хвостом. Сигурд выскочил из ямы, и они увидели друг друга»⁸. Далее текст «Речей Фафнира» представляет собой диалог героя с умирающим драконом. Схожим образом разворачиваются события после того, как Хаген смертельно ранит Зигфрида: строфы 989–997 содержат реплики Зигфрида, обращенные к Гунтеру, и одну реплику-ответ Хагена. Ни в «Речах Фафнира», ни в «Песни» умирающий не называет убийцу по имени, причем Зигфрид адресует свои слова скорее Гунтеру, чем Хагену. Вероятно, это реликт других версий, в которых Хаген-Хогни противится убийству Зигфрида-Сигурда, а главным инициатором выступает король. Но в «Речах Фафнира» само убийство описано кратко, и больше внимания уделяется непосредственно речам. Возможно ли, что у автора «Песни» имелось более подробное описание драконоборчества Зигфрида?

Еще А. Хойслер указывал на неоднородность текста «Песни», о ней пишут и сегодня [Schulze 2008; Lienert 2015]. Хойслер говорил о своего рода редакциях, хотя, вероятнее всего, в Средние века в Германии бытовали варианты одного и того же сказания, носившего устный характер, может быть, в том понимании, в котором этот термин употребляет английский исследователь устного творчества и сказительства А. Лорд [Лорд 2018]. С одной стороны, это объясняет сюжетные расхождения в различных рукописях «Песни», на которые указывают исследователи [Sarakaeva, Lebedeva 2015], с другой стороны, делает возможным использование не просто формул, но, в терминах А. Лорда, целых тем для оформления сходных эпизодов.

Вероятно, в Германии существовал и такой вариант «Песни о нибелунгах», в котором поединку Зигфрида с драконом уделялось больше внимания, чем в известных нам рукописях. В этом варианте был еще силен сказочный рудимент, который сохранился в дошедших версиях «Песни» лишь отрывочно, а убийству Зигфрида уделялось меньше внимания (как и в текстах скандинавского варианта). При этом менее подробное описание его гибели предотвращало разделение сказания на две части, что стало общим местом в работах исследователей нибелунгова цикла [Naumes 1986; Heinze 1991 и др.], т. е. весь сюжет воспринимался более цельно.

Выделение убийства Зигфрида как кульминационного события первой части «Песни» путем сочинения (или перенесения из эпизода драконоборчества) целого набора обстоятельств и дей-

⁸ Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях. СПб: Наука, 2006. С. 104.

ствий могло быть следствием изменения социальных отношений и сознания германцев. Как показал Ю.А. Клейнер, убийство Зигфрида-Сигурда нельзя считать немотивированным: в эпосе убийца должен либо заплатить виру за свой поступок, либо сам сделаться объектом мести [Клейнер 1993]. В «Старшей Эдде» Сигурд, подстрекаемый Регином, убивает дракона Фафнира и самого Регина и отнимает их сокровища, и за это должен понести наказание.

Такой подход был чужд автору, создавшему в начале XIII в. «по мотивам» нибелунгова сказания произведение, пронизанное христианской моралью. Поэтому гибель Зигфрида трактуется как коварное и подлое убийство благородного героя, как будто замыкающее первую часть сказания, посвященную исключительно ему, а образ Хагена получает однозначно негативную оценку (впоследствии, во второй части, однако, его образ приобретет героические черты и высокое благородство, что противоречит его роли убийцы Зигфрида и заставляет констатировать неудачу, которую автор «Песни» потерпел в попытке сгладить противоречия между старым сказанием и своим произведением).

Заключение

Opus magnum немецкой средневековой литературы «Песнь о нибелунгах» по своим жанровым особенностям относится к позднему героическому эпосу, в некоторых чертах смыкающемуся со средневековым рыцарским романом (тема любви, тема вассальных отношений и т. п.). Вместе с тем, неся в себе рудиментарные элементы устности (формулы и темы), «Песнь» сохраняет и более древние, доавторские мотивы, ряд из которых восходит к сказкам. Исследователи отмечают сказочный характер ранних деяний Зигфрида, которые, впрочем, не всегда включены в сюжет эпоса, но упоминаются в нем (убийство дракона, добывание клада), а также сказочность образа Брюнхильд. Это позволяет предполагать влияние сказки на сюжет о нибелунгах.

Несколько эпизодов сказания разворачиваются в лесу, в том числе драконоборчество (в северной версии) и убийство Зигфрида (в южной версии). Так как в сказке события, разворачивающиеся в лесу, отражают обряд посвящения, то убийство дракона по своему расположению в сюжете также может быть соотнесено с обрядом посвящения, обладающим высокой ритуализированностью действий.

Требования, предъявляемые читателями к произведениям в момент создания «Песни», заставили автора отказаться от ряда мотивов, в том числе от драконоборчества как от устаревшей и не

соответствующей христианской парадигме ситуации. Однако сам мотив – убийство беззащитного героя, каким выступает Фафнир в скандинавских сагах, – мог навести автора на перенесение обстоятельств смерти дракона в эпизод убийства Зигфрида. Это подтверждается довольно скудным описанием самой охоты (мало упоминания оружия, дичи) и алогичностью поступков персонажей (бег к ручью, незащищенность вооруженного Зигфрида и т. п.).

Введение автором известного нам варианта «Песни» кульминации на эпизоде убийства Зигфрида, которая отсутствует в большинстве произведений нибелунгова цикла, привела к искусственному разделению эпоса на две части, что не соответствует изначальной структуре сказания.

Дальнейшее изучение сказочных мотивов в «Песни о нибелунгах» и установление ее связи с европейской сказкой могли бы пролить свет на генезис германского эпоса и уточнить знания о взаимоотношениях между мифом, сказкой и эпосом.

Литература

- Адмони 2004 – Адмони В.Г. «Песнь о нибелунгах» – ее истоки и ее художественная структура // Песнь о нибелунгах / Подг. В.Г. Адмони [и др.]. СПб: Наука, 2004. С. 305–336. (Литературные памятники)
- Клейнер 1993 – Клейнер Ю.А. Сюжет – песнь – традиция // Слово в контексте литературной эволюции: Проблемы жанра / Отв. ред. О.А. Смирницкая. М.: МГУ, 1993. С. 44–54.
- Лорд 2018 – Лорд А. Сказитель / Пер. с англ.: Ю.А. Клейнер, Г.А. Левинтон. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 552 с.
- Мелетинский 2000 – Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.
- Михайлов 1976 – Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М.: Наука, 1976. 351 с.
- Пропп 2020 – Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Азбука, 2020. 544 с.
- Хойслер 1960 – Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / Пер. с нем. Д.Е. Бертельса; под ред. В.М. Жирмунского, Н.А. Сигал. М.: Иностранная литература, 1960. 447 с.
- Bender 2017 – Bender E. Tierwesen im Nibelungenlied und ihre Symbolik. 2017. URL: http://www.nibelungenlied-gesellschaft.de/03_beitrag/bender/nlg-17_bender.html (дата обращения 14 дек. 2020).
- Brown, Jaeger 1990 – Brown M., Jaeger C.S. Pageantry and Court Esthetics in Tristan. The Procession of Hunters // Gotfried von Strasburg and the

- Medieval Tristan Legend / Ed. by A. Stevens, R.A. Wisbey. L.: Boydell & Brewer Ltd, 1990. P. 29–44.
- Ehrismann 1991 – *Ehrismann O.* Die Fremde am Hof. Brünhild und die Philosophie der Geschichte // *Begegnungen mit dem Fremden: Grenzen – Traditionen – Vergleiche; Akten des VIII. Internationalen Germanisten-Kongresses, Tokyo 1990* / Ed. by E. Iwasaki. München: Iudicium-Verl., 1991. S. 320–331.
- Haymes 1986 – *Haymes E.* The Nibelungenlied: History and Interpretation. Urbana: University of Illinois Press, 1986. 145 p.
- Heinzle 1991 – *Heinzle H.* Das Nibelungenlied. Eine Einführung. München: Artemis und Winkler Verlag, 1991. 107 S.
- Lienert 2015 – *Lienert E.* Mittelhochdeutsche Heldenepik. Berlin: Erich Schmidt, 2015. 237 S.
- Sarakaeva, Lebedeva 2015 – *Sarakaeva E.A., Lebedeva I.V.* The Peculiarities of Darmstadt Manuscripts of the “Nibelungenlied” // *Вопросы элитологии: философия, культура, политика* / Отв. ред. Л.Я. Подвойский. Астрахань: ИП Сорокин Р.В., 2015. С. 203–207.
- Schulze 2008 – *Schulze U.* Das Nibelungenlied. Stuttgart: Reclam, 2008. 340 S.

References

- Admoni, V.G. (2004), “The Song of the Nibelungs – Its Sources and Structure”, in Admoni, V.G. (ed.), *Pesn' o nibelungakh* [The Song of the Nibelungs], Nauka, St. Petersburg, Russia, pp. 305–336.
- Bender, E. (2017), Tierwesen im Nibelungenlied und ihre Symbolik, available at: [http:// Nibelungenlied-Gesellschaft \(nibelungenlied-gesellschaft.de\)](http://Nibelungenlied-Gesellschaft (nibelungenlied-gesellschaft.de) (Accessed 14 Dec. 2020).) (Accessed 14 Dec. 2020).
- Brown, M. and Jaeger, C.S. (1990), “Pageantry and Court Esthetics in Tristan. The Procession of Hunters”, in Steven, A. and Wisbey, R.A. (eds.), *Gotfried von Strasburg and the Medieval Tristan Legend*, Boydell & Brewer Ltd, London, UK, pp. 29–44.
- Ehrismann, O. (1991), “Die Fremde am Hof. Brünhild und die Philosophie der Geschichte“, in Iwasaki, E. (ed.), *Begegnungen mit dem Fremden: Grenzen – Traditionen – Vergleiche. Akten des VIII. Internationalen Germanisten-Kongresses Tokyo 1990*, Iudicium-Verl., München, Germany, pp. 320–331.
- Haymes, E. (1986), *The Nibelungenlied. History and Interpretation*, University of Illinois Press, Urbana, IL, USA.
- Heinzle, H. (1991), *Das Nibelungenlied. Eine Einführung*, Artemis und Winkler Verlag, München, Germany.
- Heusler, A. (1960), *Germanskii geroicheskii epos i skazanie o Nibelungakh* [German Heroic Epos and Nibelungen Saga], Inostrannaya literatura, Moscow, Russia.

- Kleiner, Yu.A. (1993), "Plot – Lay – Tradition", in Smirnitskaya, O.A. (ed.), *Slovo v kontekste literaturnoi evolyutsii. Problemy zhanra* [Word in Context of Literature Evolution. Genre Problems], Moscow State University, Moscow, Russia, pp. 44–54.
- Lienert, E. (2015), *Mittelhochdeutsche Heldenepik*, Erich Schmidt, Berlin, Germany.
- Lord, A.B. (2018), *Skazitel'* [The Singer of Tales], Publishing House of the European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia.
- Meletinskii, E.M. (2000), *Poetika mifa* [The Poetics of Myth], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Mikhailov, A.D. (1976), *Frantsuzskii rytsarskii roman i voprosy tipologii zhanra v srednevekovoi literature* [French chivalric romances and Genre Types in Medieval Literature], Nauka, Moscow, Russia.
- Propp, V.Ya. (2020), *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of the Fairy Tale], Azbuka, Moscow, Russia.
- Sarakaeva, E.A. and Lebedeva, I.V. (2015), "The Peculiarities of Darmstadt Manuscripts of the 'Nibelungenlied'", in Podvoiskii, L.Ya. (ed.), *Voprosy jelitologii: filosofija, kul'tura, politika* [Elitology Studies: Philosophy, Culture, Politics], IP Sorokin R.V., Astrakhan, Russia, pp. 203–207.
- Schulze, U. (2008), *Das Nibelungenlied*, Reclam, Stuttgart, Germany.

Информация об авторе

Сергей А. Жилук, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, s.a.jiluck@gmail.com

Information about the author

Sergey A. Zhilyuk, Cand. of Sci. (Philology), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 11, Universitatskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; s.a.jiluck@gmail.com